

preservation and intensification issues. 2nd edition: research articles, B&M Publishing, San Francisco, California, USA, 2015. 148 pp.

4. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах / Ф.М. Достоевский. - Л.,1996. Т. 14.

Козлова О.В. Историческая память и традиция как ценности в современной культуре

Понятие «Родина» известно каждому человеку. Вопрос заключается в понимании его содержания. Оно наполняется разным смыслом, с разными оттенками и эмоциональными окрасками, от восторженно положительных до отрицательных. Родина как страна, родина как то пространство, где формировались личностные истоки, где знал каждую тропинку, извилины речки, особенности холмов или степи, привычки и говор людей, их общительность, или, наоборот, обособленность и суровую молчаливость, где впитывал некое особое отношение к миру, которое сегодня принято называть менталитетом. На наш взгляд, именно там, где закладываются основы исторического ощущения родины, и формируются базовые элементы исторической памяти личности. Историческая память является важным компонентом исторического сознания. Историческая память - мозаичная картина, включающая многослойные слайды географических, климатических, культурных, личностных ценностных компонентов, которые, в первую очередь, сказываются на формировании мироощущения человека. А это – первые и, скорей всего, важнейшие базисные составляющие его исторического сознания.

«Обычно утверждается, что историческое сознание является имманентной частью функционирования общественного сознания, играет решающую роль в формировании групповой идентичности, а также обеспечивает роль интегративной, эскапистской и легитимирующей функций». [1, с.183] Роль исторической памяти в жизни человека довольно противоречива. С одной стороны, преемственность в сохранении исторической памяти – условие для выживания и развития общества. С другой – феномен, могущий мешать развитию общества и личности в реальных условиях. В любом случае, историческая память необходима для формирования личности как культурного субъекта. Память о

собственном и историческом прошлом может активизировать личность, приводить к отчаянию, депрессии, скептической оценке действительности, радости или разочарованию. Историческая память, в зависимости от системы ценностей общества и личности, может ориентировать личность в выборе жизненного пути. Так, церковно – культурно - историческое содержание образа Ефросиньи Полоцкой кого-то может привести к иноческому пути, кого-то к осуществлению тех же видов деятельности: просветительство, наставничество, помощь страждущим – в формах светской жизни.

В чем же истоки нашей памяти? А в чем причины углубления всех форм проявления социального отчуждения, в том числе распада этнической идентичности? На наш взгляд, этническая идентичность по сегодняшний день выступает одним из важных условий комфортного, относительно стабильного, уверенного ощущения субъектом себя в экспрессивном и агрессивном мире. Культурная идентичность выступает в качестве необходимого стабилизирующего и одновременно динамизирующего условия функционирования общества и развития личности. Поэтому, несмотря на растворение каждого историко - культурного явления в диахронии времени, в нашем сознании они, как в метаистории, сосуществуют в каком-то особом хронотопе культурного конгломерата, который вечно изменяется, но сохраняет свое единство. Однако вечным моментом в осмыслении культуры является понимание ее целостности и неоднородности одновременно: пространственное единство культуры подразумевает свое собственное неравнозначное (но не всегда неравноценное) деление на различные составляющие. В каждом типе культуры необходимо осознавать разноликое в едином времени пространство. Почти в любом культурном образовании можно выделить относительно обособленное пространство верхушки общества, его низов, духовной элиты. С точки зрения экзистенциально - онтологического подхода к пространству и времени, без человека времени нет, ибо прошлое, настоящее и будущее снимаются «в сейчас», переживаемом человеком, что и объясняет многомерность времени и пространства. В определенные исторические периоды общество ищет синтезирующие культурную идентичность феномены – события, процессы, личности. Современный хронотоп на постсоветском пространстве, характеризующийся распадом

советской идентичности, ищет такие основы то в исторических военных победах (Великая Отечественная война, Куликовская, Грюнвальдская битвы), то в принятии православия Древней Русью, то в духовных подвигах личностей: Сергей Радонежский, герои Бреста, Софья Петербургская, Ефросинья Полоцкая и др. Это ответ на потребность сохранения этнической идентичности. Воспоминание о прошлом, как вторичная память, представляет собой проникновение настоящего (времени, личностного сознания) в некий факт, событие прошлого, которое при этом трансформируется в нашем сознании. Может происходить его «очищение» от эмоциональной составляющей. Событие может интерпретироваться в настоящем качественно иначе: высвечивается новая информация, сформировались новые знания, изменились ценности. И даже содержание факта или события понимается субъектом – носителем воспоминания иначе, относительно его прочтения в том же прошлом хронотопе. Вспоминающий человек может рассматривать предмет воспоминания в качестве ирреального фантома, а сам образ воспоминания – подлинной реальностью. Так кардинально меняет контекст бытия субъекта представление (и оценки) о событиях прошлого. Восприятие родного края жившим там когда-то человеком, даст информацию для радостной, восторженной или, напротив, негативной реакции, а человека, не имевшего к этому краю непосредственного истока - исторического отношения, может оставить равнодушным. Так, восприятие каждой травинки, или ели твоей родной стороны – ментальный зов памяти, вызывающий сильные ноты грусти о навсегда ушедшем твоём прошлом. А восприятие, может быть, более зеленой, не менее прекрасной, но иной природы, несет в себе лишь эстетическую оценку, без примеси исторического контекста. Таким образом, наша историческая память оценочно избирательна, историческое сознание более рационально и, вероятно, более адекватно. М.Барг и Могильницкий считают, что историческая память отвечает за содержание полученной информации, а историческое сознание - за способы ее интерпретации. [1,с.183]. В этом разделении содержится серьезное рациональное зерно. Информационное поле современности, политические установки и реалии настоящего оказывают значительное воздействие на формирование исторического сознания подрастающих поколений:

школьные программы, льющийся поток информации официально ориентированных СМИ, помимо личностных, индивидуальных интересов, не могут не влиять на возникновение столь диаметральных убеждений в обществе. В том числе о том, существовало ли единое восточнославянское братство, единая церковь на территории то ли Древней, то ли Киевской, то ли Новгородско-Киевской Руси? Определенная деятельность тех или иных личностей то отрицается социальными институтами, оценивается негативно, то восхваляется. В определенные периоды такие личности, как С. Полоцкий, В. Соловьев, К. Туровский, то являются синтезирующими элементами общей культуры, то «растаскиваются» по национальным квартирам. Одновременно культурно-исторический процесс, понимаемый как временная сущность культуры, характеризуется диалогом пространственных образований, суть которого не сводится лишь к взаимодействию так называемых соседствующих культур, например сиюминутных национальных или государственных культурных образований. Дело еще и в особом полифонизме культурно-временного и пространственного диалога: в любом культурном ареале дискутируют, противоречат, сообщаются, понимаются и не понимаются культурные зерна, цепочки, пласты как тексты древнего мира, эпохи Возрождения, так и современности. Однако современное (для любого культурно-исторического образования) взаимодействие феноменов различных культурных текстов звучит иначе. Поэтому возникает проблема языка иных культур. Насколько важно языковое взаимопонимание современных культур, так же, как и понимание языка прошлых культур настоящими, понятно далеко не всем. Многие считают достаточным адекватное понимание сегодняшней культуры. Последняя включает в себя и элементы, пласты культурного прошлого. Кроме того, чтобы понять расцвет (и его причины), ошибки и катастрофы своих предков, необходимо понимать язык той культурной эпохи. Однако особого внимания требует также и факт иного прочтения феноменов прошлого. Сложность временного восприятия культуры прошлого заключается и в том, что сознание настоящей культуры осмысливает прошлое с позиции знания, мышления, эмоционального развития, социально-экономических условий своего времени. Понятно, что это довольно сложный и идеально

неосуществимый процесс. Помимо данных сложностей, диалогу культур присущи и такие «идолы» восприятия, как ориентация на вершины культуры, либо на противопоставление элитарной и популярной культуры. Но никакую культурную целостность нельзя свести к нескольким, даже выдающимся, произведениям, личностям, ярким явлениям. Так, Возрождение - это эпоха, продолжавшаяся несколько веков, разбросанных во времени и пространстве. Неправомерно, формируя ее образ, сводить представления о ней лишь к ее вершинам. Человеческая экзистенция — это социально становящийся феномен, заданный изначально как возможность, становящаяся действительностью. Или: бытие как действительность, эманлирующая свою собственную возможность, включенная в определенные пространственно-временные параметры. Именно социальный пространственно-временной континуум и есть то условие, в котором осуществляется человеческая экзистенция: человек становится человеком. Именно человек является субъектом модальности, находящимся в определенных социальных параметрах, которые мы определили как пространственно-временные. Может ли быть сконструирован данный феномен без традиции? Каково ее значение и место в формировании пространственно-временного социума, и как связана традиция и преемственность? Если имеется в виду человек как субъект модальности, то традиция рассматривается в данном социально-временном образовании. Если речь идет об идеологическом проявлении бытия и осмыслении традиции, то последняя выносится за пределы нравственной экзистенции. Таким образом, традиция, без которой, в принципе, невозможно социально-организованное пространство и время, может рассматриваться как истина, но наполненная субъективной оценкой социообразующего хронотопа. В противовес М.В.Захарченко мы исходим из того, что традиция складывается в результате деятельности индивидуальных сознаний (лидеров, начиная с магов и старейшин) и получает или нет «приятие» общественным (или массовым) сознанием. Определяя традицию как знание «по научению», М.В.Захарченко считает, что оно «бессильно в практическом отношении, годится только в застывших обстоятельствах жизни» [2, с.16]. Конечно, традиция может играть негативную роль и тормозить социальные изменения, но тормозит

их, прежде всего, сам человек. Нигилизм, низвержение всех моральных и других проявлений традиций приводит в первую очередь к вакханалии бездуховности. Об этом свидетельствуют и последние века существования Римской империи, аналогию с которыми можно провести относительно современных российских политических и духовных центров; и торжество возрожденческого индивидуализма, приведшее к оправданию еще большей наживы, эксплуатации, а не к торжеству идеалов гуманизма и т. д. Без традиции как стабилизирующего фактора не может быть социального организма. Конечно, упрек может быть вызван со стороны противников традиционного фактора в культурно-историческом процессе хотя бы уже отрицанием такой традиционности, как взяточничество и коррупция Российского общества (именно общества, а не только государства). Такие традиции надо ломать, а не просто видоизменять, но они именно столь живучи и почему-то поддерживаемы населением подданнического сознания. Значит, они соответствуют данному социо - культурному образованию России. Традиционность занимает в процессе преемственного развития культуры важное место. Так, важной составляющей процесса формирования системы ценностей выступает обращение историков культуры к деятельности таких личностей, как Ефросинья Полоцкая. Это обращение не надо рассматривать лишь в контексте религиозных установок на иноческий подвиг. На данный вид культурной памяти надо смотреть намного шире. Обращение к деятельности именно таких личностей может способствовать формированию иных, пока не имманентных нашему хронотопу, ценностей. А именно: не эгоизму, а альтруизму (или даже коллективизму, соборности); не скаречно – семейственному стяжательству, а этнически – коллегиальному производству и потреблению; процветанию не абсолютизированного индивидуализма, а диалектического синтеза индивидуального и кооперативного начал; обесцениванию «голубокрового» снобизма статусных «элит» и воспеванию авторитета моральности и духовности.

Литература

1. Сыров, В. Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В. Н. Сыров //

Вестник Томского государственного университета: История. Томск: изд-во Томского государственного университета, № 1 (21). 2013. С.183-190.

2. Захарченко, М.В. Типологическая интерпретация понятия «традиция» Автореферат диссертации на соискание научной степ. д-ра филос. наук / М.В. Захарченко – СПб., 2002.

Секция 1. Белорусская культура и история

Кожич Н. М. Традиции православного духовного образования в современной Беларуси

С конца XX ст. в Беларуси отмечается рост религиозности, обусловленный сменой ценностных ориентаций на постсоветском пространстве. В настоящее время религия рассматривается в качестве гаранта стабильности общественной жизни. Кроме того, христианские ценности признаются одним из значимых компонентов государственной идеологии. Это обусловлено тем, что менталитет и образ жизни белорусского народа на протяжении многих веков формировался под влиянием христианских, главным образом православных, традиций. Такие значимые сферы жизни общества, как образование и воспитание, строились на христианском вероучении и морали. Под влиянием православия развивалась философская и политическая мысль, формировались черты национального характера. Тем не менее, в современном секулярном обществе достаточно большая часть людей не решила для себя проблему конфессиональной принадлежности или вообще относится с безразличием к вопросам религии. Поэтому нельзя говорить, что в массовом сознании за последнее время произошла переориентация на религиозные ценности и осуществился значительный духовный переворот. В общественной жизни по-прежнему нарастают кризисные явления, что выражается в разрушении института семьи и брака, девальвации семейных ценностей в целом, росте преступности, наркомании, агрессии, и т. д. Духовный кризис также обусловлен стремлением общества к идеологии и практике техногенно-потребительской стратегии развития, которая основана на росте материальных потребностей и социальной конкуренции. В связи с этим актуальными становятся